

Роль художественного текста в «защитительных речах» С.А. Андреевского

© А.А. КОЖИН,

доктор филологических наук

В своих защитительных речах выдающийся русский адвокат С.А. Андреевский использовал художественные тексты и имена литературных персонажей в качестве конструктивного элемента, а также средства убеждения суда присяжных. Считая защитника «говорящим писателем», он применял литературно-художественные приемы для характеристики своих подзащитных и выяснения внутренних причин преступления.

Ключевые слова: художественный текст, литературный персонаж, ораторская речь, защитительная речь.

In his defensive speeches the outstanding russian lawyer S.A. Andreyevski used literary texts and names of literary characters as a constructive element and a persuasive mean for the common juri. Considering the defender to be a «speaking writer», he used literary methods for characterization of defendants and for clarification of internal reasons of the crime.

Key words: literary text, literary character, oratorial speech, defensive speech.

Судебной реформой 1864 года в России был учрежден институт присяжных поверенных. Гласность, публичность, состязательность обвинительной стороны и защиты, присутствие на суде выборных присяжных вызвали широкий общественный резонанс. Судебные слушания, в которых принимали участие выдающиеся ораторы (Андреевский, Карабчевский, Кони, Плевако и др.), привлекали внимание не только представителей прессы, но и литераторов, театральных деятелей.

В то время крупные уголовные процессы являлись своего рода развлечением, похожим на театр, в котором речи судебных ораторов

воспринимались как монологи главных героев, влиявших на судьбы обвиняемых и подзащитных, а также на развитие всей «пьесы».

Адвокаты, принимавшие участие в разбирательстве громких уголовных дел, всегда помнили о том, что впечатление, произведенное защитительной речью на суд присяжных и публику, неизбежно отразится на их профессиональной репутации и дальнейшей практике. Именно поэтому работа «на публику» для многих обвинителей и защитников была обязательной частью выступления в суде.

«Своеобразие судебного красноречия определялось самими условиями, в которых оказывались во время судебного процесса обе стороны: и обвинение, и защита. Во время допроса обвиняемых и свидетелей, а также заявлений и выступлений адвокатов постоянно возникали новые ситуации, обнаруживались новые материалы и факты. Все это ставило судебных ораторов перед необходимостью отказа от чтения заранее написанных речей. Они должны были все время иметь дело с живой устной речью, а это побуждало осваивать и развивать речевую культуру, уметь в совершенстве владеть языком, быть красноречивым, находчивым и убедительным» [1].

Сергей Аркадьевич Андреевский (1847–1918) был известен как блестящий оратор по уголовным делам. О нем знали не только в России, но и за ее пределами. В 1869 году он окончил юридический факультет Харьковского университета и стал кандидатом на должность при прокуроре Харьковской судебной палаты, был следователем в городе Карачеве Брянской области, товарищем прокурора Казанского окружного суда.

Результатом знакомства и совместной работы с А.Ф. Кони явилось назначение в 1873 году Андреевского на должность товарища прокурора Петербургского окружного суда. Уже тогда он проявил себя талантливым судебным оратором, однако в 1878 году за отказ выступить в качестве обвинителя по делу В.И. Засулич был вынужден уйти в отставку.

А.Ф. Кони помог ему найти место юрисконсульта в одном из банков Петербурга. В том же году он занялся адвокатской деятельностью.

Самобытность Андреевского как адвоката заключалась в том, что в основе защитительной речи находились личность преступника, условия его жизни и внутренние мотивы преступления. Психологический анализ поступков подзащитного выглядел ярко и убедительно. Андреевского можно по праву назвать виртуозом психологической защиты.

Один из организаторов русской дореволюционной адвокатуры К.К. Арсеньев считал, что судебные речи «одной своей стороной соприкасаются с общественной психологией, другой — с областью искусства. Содержание их знакомит с темными сторонами народной жизни, раскрывает несовершенство существующих порядков, обнаруживает

общие и частные причины преступлений, а их форма – при известной степени и известном свойстве ораторского таланта – приближает их к произведениям так называемой изящной литературы» [2].

Источником ярких образных речевых средств, которые использовали видные русские судебные ораторы второй половины XIX века, были художественные произведения.

Строя судебную речь, Андреевский часто обращался к литературно-художественным приемам. Считая ораторскую речь искусством, защитника он называл «говорящим писателем»: «Уголовная защита, прежде всего, не научная специальность, а искусство, такое же независимое и творческое, как все прочие искусства <...> Художественная литература, с ее великим раскрытием души человеческой, должна сделаться основною учительницей уголовных адвокатов <...> И я решил говорить с присяжными, как говорят с публикой наши писатели. Я нашел, что простые, глубокие, искренние и правдивые приемы нашей литературы в оценке жизни следует перенести в суд» [3].

Нередко описание фактического материала в судебных речах Андреевского напоминает манеру авторов художественных текстов, а подзащитные сравниваются с известными литературными героями.

Так, например, слесарю Пороховых заводов А.Г. Иванову было предъявлено обвинение в том, что 18 февраля 1891 года он умышленно, но без заранее обдуманного намерения лишил жизни свою невесту А.А. Назаренко (Дело Иванова). Андреевскому как защитнику необходимо было изменить отношение присяжных к преступнику и перекалфицировать деяние подзащитного: заменить формулировку «умышленное убийство» на «совершенное в состоянии запальчивости и раздражения, повлекших невозможность управлять своими действиями».

Ссылки на литературные произведения и их создателей выступают в этом деле одним из способов отстаивания позиции судебного оратора: «Любовь была для этого человека [Иванова] чем-то величайшим на свете. <...> Для многих людей нашего времени любовь является тем же самым. Французский поэт Ришпен где-то сказал очень метко: “Наши отцы любили, как кролики; мы любим, как змеи”. Наша любовь – это какая-то адская смесь острой водки и святой воды. Да, может быть, “острой водки”, то есть вожделения, страсти, но зато и – “святой воды”, то есть искание какого-то идеала. Или, как, еще лучше, говорит наш Достоевский: “Слишком много загадок угнетают на земле человека. Разгадывай, как знаешь, и вылезай сухой из воды. Красота! Перенести я притом не могу, что иной, высший человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его, и воистину, воистину горит, как и в юные, беспорочные годы”» (Дело Иванова) [4. С. 154–155].

Известный литературный персонаж – это своеобразный характерологический знак, оригинальное средство создания образно-оценочной параллели: «Личность подсудимого глубоко поучительна. <...> Он будто целиком взят из самых странных романов нашей эпохи: в нем есть и карамазовская кровь, есть большое сходство с Позднышевым из “Крейцеровой сонаты”, он отчасти сродни и много думающим жуирам, постоянно изображаемым французскими писателями. Сама его фамилия “Иванов”, подобно заглавию чеховской комедии, будто хочет сказать нам, что таких людей много расплодилось в наше время» [Там же. С. 150].

Дело А.Г. Иванова слушалось в Петербурге в 1891 году. В том же году была опубликована «Крейцера соната» Л.Н. Толстого, которая вызвала исключительный интерес у читателей. Писатель проводил мысль о том, что преступление, совершенное его героем (Позднышевым), было спровоцировано причинами социально-нравственного характера.

31 января 1889 года состоялась премьера пьесы А.П. Чехова «Иванов». По мнению прессы, она «возбудила наибольший интерес во весь текущий сезон», «произвела переполох в театральном и литературном мире» [5]. В рецензиях отмечалось собирательное значение образа Иванова, которого называли «больным продуктом нашего нервного времени». В пьесе Чехова сближались признаки заболевания социального и нравственного, что возрождало в памяти известные слова тургеневского Базарова: «<...> нравственные болезни происходят от дурного воспитания, от всяких пустяков, которыми сызмала набивают людские головы, от безобразного состояния общества, одним словом. Исправьте общество и болезней не будет» [6].

Андреевский, апеллируя к известным литературным произведениям и их персонажам, смягчал вину своих подзащитных, перекладывал ее на общественные устои. «В слезах своих Иванов вылил из души навсегда последние трепетания своего обманчивого и обманутого чувства к Насте. Теперь он более не жалел ее. Он в этом случае точь-в-точь напоминает толстовского Позднышева из “Крейцеровой сонаты”. Ни к себе, ни к убитой он не испытывает особенной жалости. <...> И он не столько занят собой и своей жертвой, сколько мучается над вопросом: из-за чего и почему все это так безотрадно нелепо складывается в его жизни? Из-за чего, например, вот он теперь погиб?..»

Конечно, он погиб из-за любовной страсти, из-за того чувства, которое так часто и громко заявляет о себе в процессах и над которым так мучительно думал Толстой, когда писал свою “Крейцерову сонату”. К чему же пришел знаменитый писатель? Он нашел, что единственное средство избежать бедствий и преступлений от любви – это совершенно и навсегда отказаться мужчинам от женщин. Легко ли сказать? Единственное возможное средство, и то – невозможное. Значит, дело не

так просто. <... > Не глубже ли сказал Пушкин: “и всюду страсти роковые, и от судеб защиты нет!”» [4. С. 162–163].

Мир литературных персонажей использовался Андреевским и для оценки различных этапов судебного разбирательства: «Если же в настоящем деле эксперты вторили обвинению, то произошло это по очень странной причине, они давали свое заключение, вдоволь начитавшись об уликах. <...> В таком случае эксперт попадает в рабство к своему собственному предустановленному взгляду, который затем помыкает им точно так же, как принц Гамлет помыкал министром Полонием. Принц говорит: “Видишь это облако? Точно верблюд”. Министр отвечает: “Клянусь, совершенный верблюд. Или хорек! Спина как у хорька... Или как у кита? Совершенный кит”. То же самое и здесь» (Дело о краже изумрудной брошки) [Там же. С. 172].

Литературные персонажи не только упоминаются Андреевским, но и на время «оживают» перед публикой и присяжными, давая собственную оценку происходящему: «Ровно через месяц и один день после убийства следователь получает известие, что в полицию явилась какая-то молодая, прилично одетая женщина <...> и созналась в убийстве <...> Что бы сказал себе, получив это известие, знаменитый следователь Порфирий – идеальный следователь Достоевского? Он сказал бы: “Наконец-то! Я знал, что отсюда получится свет... Я был уверен, что это дело может разъяснить только какая-то женщина, исчезнувшая из-под глаз полиции. Она будет долго кружить вокруг да около и прятаться, но ее будет тянуть – к нам, – и она придет. Она пришла. Так и быть должно. Теперь мы все непонятное постигнем”... Вот что бы он сказал» (Дело Мироновича) [4. С. 198].

Однако не все ораторы считали целесообразным обращение в судебной речи к художественным произведениям и их героям. Так, мастер судебного красноречия П.С. Пороховщиков полагал, что отрывки из литературных произведений, ссылки на героев популярных романов неуместны в серьезном выступлении на суде.

Особенно возражал он против упоминания авторов художественных текстов: «Берите примеры из литературы, берите их сколько угодно, если они нужны; но никогда не говорите, что взяли их из книги. Не называйте ни Толстого, ни Достоевского; говорите от себя <...> Если и была нужна эта общая мысль, то она потеряла силу в этих именных вставках» [7. С. 32].

Некоторые русские юристы увлекались литературным творчеством. Перу Н.П. Карабчевского принадлежат прозаические и поэтические произведения, вошедшие в сборник «Поднятая завеса». А.Ф. Кони – автор очерков и воспоминаний «На жизненном пути». В.Д. Спасович – это не только блестящий адвокат, но также литератор, критик и публицист. Его литературно-публицистические статьи посвящены творчеству русских и зарубежных авторов: Пушкина, Лермонтова, Байрона, Гете,

Шиллера, Шекспира. Маститый адвокат А.И. Урусов, названный Андреевским «создателем литературного языка защитительной речи», сотрудничал в «Библиотеке для чтения», «Русских ведомостях».

В 1881 году были напечатаны критические статьи Андреевского о творчестве Лермонтова, Некрасова, Тургенева, Достоевского, Гаршина. Затем в свет вышли два сборника лирических стихотворений и поэм (1886 и 1898 годы).

Внимательно следил Андреевский за эволюцией творчества А.П. Чехова, с которым неоднократно встречался. В рецензии на сборник «Повести и рассказы», опубликованный в 1894 году, критик замечает, что в его авторе «все видят общепризнанного наследного принца наших крупных писателей» [8].

В статье «Театр молодого века» Андреевский пришел к выводу, что пьесы Чехова – «совершенно новое явление в драматической литературе», поскольку царящая в них тоска жизни предстает единственным драматическим элементом, а драмы «ни в смысле напряженного действия, ни в смысле назревающей и неизбежной катастрофы» в них нет.

Нарушение законов драматургии критик видел и в том, что Чехов постепенно переходит к изображению на сцене повседневной жизни простых людей. Андреевский отмечал: «<...> большинство современных драматургов уже избегают в своих пьесах крикливых, героических фигур и преимущественно занимаются жизнью “сереньких” людей» [9].

Чехов ценил мнение Андреевского как литературного критика. Так, в декабре 1888 года он писал А.П. Ленскому: «В понедельник я читаю в Литературном обществе свой новый рассказ [Припадок – А.К.]. Прения будут интересные. Придется ставить свою шею под удары таких неотразимых диалектиков, как адвокаты Андреевский и кн. Урусов. Впрочем, с нами бог!» [10].

Писатель изучал речи лучших адвокатов, обращая при этом внимание на художественный и содержательный аспекты выступлений. В письме к Андреевскому от 21 декабря 1891 года он отмечал: «Для меня речи таких юристов, как Вы, Кони и др. представляют двойкий интерес: в них я ищу, во-первых, художественных достоинств, искусства и, во-вторых, того, что имеет научное или судебно-практическое значение. Ваша речь по поводу юнкера, убившего своего товарища, это – вещь удивительная по грациозности, простоте и картинности: люди живые, и я даже дно оврага вижу» [11].

Писатель, публицист и философ В.В. Розанов в газете «Новое время» от 27. 09. 1903 года опубликовал статью «С.А. Андреевский как критик», в которой, сопоставив Андреевского с юристами-литераторами А.Ф. Кони и В.Д. Спасовичем, пришел к заключению, что Андреевский «более интимно и более глубоко вошел в литературу», хотя не был «наиболее литературно-талантливым» из них.

Статья Розанова содержала анализ литературно-критических очерков Андреевского, в основе которых были его выступления в Литературно-драматическом обществе (Я.П. Полонский, К.К. Случевский и др.). Эти материалы вошли впоследствии в сборник «Литературные очерки» [ранние издания публиковались под названием «Литературные чтения» — А.К.].

Особенно понравилась Розанову характеристика творчества М.Ю. Лермонтова, которую «можно счесть одною из лучших во всей нашей литературе <...> Никто не сказал, что “связь с сверхчувственным у Лермонтова есть самая главная черта и что ясностью этой связи он превосходит всех поэтов всемирной литературы”».

Однако, давая высокую оценку литературно-критического труда, Розанов видел и слабые стороны исследования. Андреевский, по мнению Розанова, навсегда останется «другом» других, а не самим собою; не писателем, а «другом» — критиком, который говорит чрезвычайно занимательно и поучительно о других писателях, «но не возбуждает вас собою, не приковывает к самому себе» [12].

В произведении «Мимолетное. 1914 год» Розанов так описывает своего приятеля: «Вошел Андреевский (критик и присяжный поверенный) и рассыпался. Остроты, mots <словечки> и всякое изящество. Старый русский барин, образованный человек, адвокат, “больше не занимающийся практикой”, писатель и человек с состоянием <...> Когда Андреевский играет и острит, все должны молчать. До того он изящен» [13].

Как опытный адвокат, Андреевский помог Розанову защитить в Петербургской судебной палате права писателя на опубликование книги «Русская церковь. Дух. Салуба. Ничтожество и очарование. Главный вопрос». На этот труд был наложен цензурный арест за «богохуление и поношение предметов веры, с целью произвести соблазн». В апелляционной жалобе Андреевский доказывал, что у Розанова «всюду сквозит отчаянная попытка спасти христианство, очистив его от софистических толкований, и приблизить Церковь к жизни». 14 октября 1910 г. арест был снят.

В заключение следует сказать, что не только яркими образами привлекала русских судебных ораторов художественная литература. «Чтобы быть настоящим обвинителем или защитником на суде, надо уметь говорить», — утверждал П.С. Пороховщиков [7. С. 14].

Защитительные речи П.А. Александрова, С.А. Андреевского, К.К. Арсеньева, В.И. Жуковского, Н.П. Карабчевского, Ф.Н. Плевако, В.Д. Спасовича, А.И. Урусова, А.Ф. Кони свидетельствовали о свободном владении выдающимися представителями русского судебного красноречия выразительными ресурсами литературного языка, экспрессивные возможности которого во второй половине XIX века существенно расширились.

В художественных текстах этого времени эстетически мотивируемое освоение изобразительного потенциала книжного, научного,

публицистического, разговорно-просторечного, диалектного, профессионального и даже жаргонного слова стало предметом творческих пристрастий писателей и публицистов.

Мастера художественного слова перемещали жанровые границы русского реализма, активно вели поиски новых форм выражения, обогащали изобразительные возможности литературной речи. Вот почему известные теоретики ораторского искусства (А.И. Галич, И.И. Давыдов, А. Данский) настойчиво призывали к использованию речевых средств, употреблявшихся в произведениях «образцовых писателей», рассматривая тем самым литературный язык как эталон, как воплощение речевой культуры.

Защитительным речам Андреевского, хорошо знавшего русскую литературу, были присущи стройность композиции, простота и ясность изложения. Оригинальная литературная обработка фактического материала, образность и лексическое богатство слога, меткие сравнения, красота повествования, соединенные с анализом психологии подзащитного, наделяли его судебные речи чертами произведений изящной словесности, имевших несомненную художественную составляющую.

Литература

1. *Ефимов А.И.* История русского литературного языка. 2-е изд., исправ. и дополн. М., 1967. С. 309.
2. Вестник Европы: Журнал науки, политики и литературы. СПб., 1891. № 6. С. 779-780.
3. *Андреевский С.А.* Драмы жизни. Защитительные речи. / 5-е изд. Петроград, 1916. С. 4-5.
4. Судебные речи известных русских юристов: Сборник / Сост. Е.М. Ворожейкин. / 2-е изд., исправл. и дополн. М., 1957.
5. Неделя. 1889. № 11 от 12. 03; Одесский листок. 1889. № 80 от 24. 03.
6. *Тургенев И.С.* Сочинения. В 12 т. М., 1981. Т. 7. С. 79.
7. *Сергеич П.* Искусство речи на суде. М., 1988.
8. *Андреевский С.* Новая книжка рассказов Чехова // Новое время: ежедневная политическая и литературная газета. СПб., 1895. № 6784. 17 января.
9. *Андреевский С.А.* Литературные очерки. / 3-е изд. СПб., 1902. С. 470-471, 492.
10. *Чехов А.П.* Сочинения. В 18 т. М., 1985. Т. 7. С. 662.
11. *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем. В 20 т. М., 1949. Т. 15. С. 229-230.
12. Розановская энциклопедия. М., 2008. С. 72-74.
13. *Розанов В.В.* Собр. соч. В 30 т. М., 1997. Т. 8. С. 592.